

НЕ УНЫВАЙ И БУДЕШЬ СЧАСТЛИВ

Татьяна Зрянина

Рисунки времени

Татьяна Зрянина

Рисунки времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177766

ISBN 9785005177704

Аннотация

В седьмую книгу Татьяны Зряниной вошли стихи разных лет. Путешествия, воспоминание о войне, гражданская и любовная лирика, переводы. Стихам присущи философское содержание, многогранность, глубокий внутренний смысл. Вечный путь к непостижимому – постоянное стремление поэтессы. Несмотря на сильное личностное начало, в стихах Татьяны оживают тени тех, кто своей судьбой причастен к её миру. Книга поэтессы – лирический дневник чуткого, много пережившего человека, открывающего людям душу.

Содержание

Биография	6
На запад и восток, на север и на юг раскинулось моё отечество	9
«На юг, На север, На запад и восток ...»	9
«Стёрла южная ночь раскалённые краски заката...»	10
«Променяла – на простор суровый...»	11
Из северного дневника	12
Новгород	13
Игнач Крест	14
«А на Псковщине предвечерняя...»	16
Зодчий	17
Таллин снежный	18
Пушкин у Савкина камня	19
«Поворот крутой. Кафе «Берёзка...»	20
«Здесь столько солнца, радости и моря...»	21
«Открываются новые дали...»	22
Дорогие имена	23
Игорю Северянину	23
«Ты ласковым со мною не был...»	24
Тебя рисуя...	25
Юрию Инге	27
Елене Вечтомовой	28

Не продажный мой товар	29
А. Ахматовой	31
Военный корреспондент	32
В. Зрянину	34
Ивангород, Нарва	35
Крепости	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рисунки времени

Татьяна Зрянина

Составитель Сергей Зрянин

© Татьяна Зрянина, 2020

© Сергей Зрянин, составитель, 2020

ISBN 978-5-0051-7770-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Биография

Татьяна Сергеевна Зрянина (Фарфоровская) родилась в Майкопе 26 декабря 1910 года в семье преподавателей. Варвара Ивановна Фарфоровская преподавала французский, немецкий языки, прекрасно играла на фортепьяно. Сергей Васильевич Фарфоровский профессор, член-корреспондент Французской Академии Наук, преподавал историю. Татьяна рано начала рифмовать свою речь, сохранились стихи, написанные в 8 лет. Училась в классе с педагогическим уклоном и, окончив школу, год работала учительницей в 4 —ом классе. Затем поступает в Пединститут на специальность русский язык и литература. После окончания института возвращается в Майкоп и работает преподавателем в школах города. В 1935 году выходит замуж за преподавателя автодела Зрянина Василия Антоновича.

Ты для меня – дыханье дня
И ночи ветер ледяной,
Жизнь начинается с тебя,
И жизнь кончается тобой.

Написала Татьяна в одном из своих стихотворений. Сохранились тетради с её стихами, датированные 1921—1931 годами. В ожидании первенца появляется стихотворе-

ние «Вставай сын» и целый цикл детских стихов. Семейные радости длились недолго... 1941 год, началась Великая Отечественная Война. В апреле 1943 года приходит похоронка – погиб муж. Вдова в 32 года, на её плечи ложатся не лёгкие заботы о детях и матери. Она работает в дневной, вечерней школах, учительском институте. Времени для стихов нет совершенно. Только переехав в Нарву, Татьяна возвращается к литературной деятельности. Читает лекции на предприятиях, в школах Ивангорода, Нарвы, Усть-Нарвы. Ведёт в школах литературно-поисковые кружки, руководит литобъединением, пишет очерки, статьи, стихи. Вскоре издаются сборники её стихов: «Стихи» Таллин 1972 год, «Открою дверь» Лениздат 1978 год, «Где дом мой» Таллин 1983 год, «Прикосновение к огню» Таллин 1987 год. Татьяна выступает и как автор-составитель сборников стихов и прозы о Нарве: «Нарвитяне о Нарве» Нарва 1981 год, «Ты Нарвитянен» Нарва 1984 год, «Наша Нарва» Таллин 1989 год, «Слово о Нарве» Штрихи к портрету Нарва 1994 год, переводит стихи Эстонских, Адыгейских, Белорусских поэтов на русский язык. В 1982 году её принимают в союз писателей СССР. Жизненный путь Татьяны завершился 6 сентября 1998 года. Но продолжают жить её стихи, будоража сердца и души людей, живут на свете Татьяна – дочери её учеников, названные в её честь.

В 2011 году в Нарве выходит книга её стихов «Прикос-

новение к огню», составленная и изданная Оскаром Ида, а в 2020 году Сергей Зрянин издаёт книгу её стихов «Вся жизнь» СУПЕР Издательство Санкт – Петербург.

**На запад и восток, на север
и на юг раскинулось моё отечество**

**«На юг, На север,
На запад и восток ...»**

На юг, На север, На запад и восток —
Раскинулись поля моей Отчизны.
А я на них лишь малый колосок,
И я для них лишь тихий голосок.
Но в этом смысл и оправдание жизни.

«Стёрла южная ночь раскалённые краски заката...»

Стёрла южная ночь раскалённые краски заката.
Навалилась на землю душистой густой темнотой.
На меня, на меня вновь нацелен зрачок автомата,
И не птицы ночные – осколки свистят надо мной.
Не за прошлым пришла я в родные кубанские дали.
Столковалась душа по шуршанию родных тополей.
Только в первый же час предо мной неотступные встали
Грозовые виденья войной опалённых ночей.
В окнах гаснут огни. Отдыхает село до рассвета.
Сонно крикнула птица, плеснула о берег волна.
Где-то песню поют, ту, что пели в военное лето,
И сигнальным огнём поднимается в небо луна.

«Променяла – на простор суровый...»

Променяла – на простор суровый,
На скитаний вечных суету
Южный край и ласковое слово,
Тихий дом и яблоню в цвету.
Променяла счастье – на тревоги,
Солнце – на дремучие снега.
Отдала – ни мало и ни много
А взяла – всё то, что взять смогла.
Ночь сегодня тёмная такая.
У костра окончен путь дневной.
И звезда – осенняя, большая
Над моей сияет головой.
Гаснет пламя. Ночь похолодала.
Утром вновь дорога нелегка.
Променяла – всё, что сберегла.
А звезда – как прежде далека.

Из северного дневника

Порой душа о южных травах
Тоскует, прошлое любя.
Но Север-дивная отрава —
Не отпускает от себя.
Всё чаще лес. Тропинки глуше.
Сомкнулись ветки на пути.
И как потерянные души,
Клочки тумана впереди.
За лесом — лес. Не видно края.
И вдруг, безмолвие круша,
Дорога ровная, прямая
Сверкнёт, как лезвие ножа.
Дремучий мрак разорван в клочья,
И от чащобы нет следа,
И солнце светит днём и ночью
И сердце бьётся днём и ночью
И гонит кровь по проводам.

Новгород

Вороний грай над шлемами церковей
И ласточек стремительные крики.
Над Волховом всё тоньше, всё светлей
Рублёвские загадочные лики.
Дымятся золотые тополя,
Последних листьев искры угасают.
И за ладьёй заморская ладья
Над Новгородом в небе проплывают.
Дубы одели чешую кольчуг:
Готовятся к набегам бурь и выюг.
Готовятся к осаде и войне...
А белый Новгород и светел и спокоен.
Он был в железе, крови и огне —
Строитель, зодчий, летописец, воин!
Готовятся к осаде и войне.
А белый Новгород — и светел и спокоен...
Лишь только ржут ночами при луне,
Тревожно ржут стреноженные кони...

Игнач Крест

*«И гнашася....до Игнач креста.... до Новгорода
не дойдёша»*

...А даль спокойна и ясна,
Как летописная страница.
На перекладине креста
Крылами взмахивает птица.
Тревожный крик века вернёт,
Вновь заревом снега залиты.
И на реке упругий лёд
Дробят колёса и копыта.
Костры походные горят
В извилинах дорог окольных.
И ночью ветер бьёт набат
На Новгородских колокольнях.

А крест стоит на перекрёстке,
Недвижим, непоколебим.
И Ярославною берёзка
Веками клонится над ним.
Раскинув рук косые тени,
он стал на вражеском пути.
Он выжег смертные ступени,
Чтоб не проехать, не пройти.
...Рассвет весенний свеж и светел,

И даль спокойна и чиста.
Лишь крики птиц доносит ветер
До Новгородского кремля.

«А на Псковщине предвечерняя...»

А на Псковщине предвечерняя,
Предосенняя тишина.
Только зыбится по течению
Деревянная старина.
Да за стенами опалёнными
Золочёные купола.
И никем ещё не прочтённые,
Потаённые письма.
По обочинам, отороченным
Древней вязью, из года в год,
Злыми ветрами замороченный
Бурьянишка поклоны бьёт.
Да закатное небо в пламени,
И стоит в грозовом окне
Пан Баторий багровым всадником
На своём боевом коне...
Сталь сверкнула отточенной молнией,
Засвистела, дробясь стрела...
Бьёт Великая красными волнами...
А на Псковщине – тишина.

Зодчий

Всё ниже тучи. Ветер злей.
Над озером угрюмо – пёстрым
Взыграла стая лебедей,
Подняв на крыльях чудо – остров.
Сквозь глухомань волны густой,
Лесов дремучих, оловянных
Он светит сказкою простой,
Просторной, русской, деревянной.
Тебя в легенду прошлых лет
Введёт так искренне и просто
Далёкий зодчий и поэт,
Строитель старого погоста.
Услышишь песню топора,
Почуешь запах свежей стружки,
Увидишь чудо —купола,
Резные древние избушки.
А зодчий, пот смахнув рукой,
Посмотрит пристально и строго,
Тебе топор протянет свой
И скажет дружески: «Попробуй!»

Таллин снежный

Так тихо стало, будто новый,
Летящий с неба первый снег
Был самым нужным, точным словом,
Не скрывшим, а открывшим всех.
По новогоднему блестящим
Открылся Таллинский бульвар,
Где снег охапки звёзд на счастье
Всем раздавал и раздавал.
И, вдохновившись, щедро, дерзко
Вернул он каждому из нас
Былую беззаботность детства,
Наш недочитанный рассказ.
В движеньях, в мыслях – невесомость,
Шаги не слышны и легки.
И даже Томас, старый Томас
Над ратушей играл в снежки.
Свой жёлтый глаз фонарь тарашил:
Куда спрятались дома?!
А снег всё гуще и всё чаще
На город сыпала зима.

Пушкин у Савкина камня

Ударит снег по мёрзлому окну,
И, оторвавшись,
Бьёт о стену ставень...
В такие дни, не знаю почему,
Я вспоминаю древний Савкин камень.
И там в окне мелькал весенний снег,
А выйдешь — ветер волосы взъерошит.
На влажной тропке замечает след
Черёмуха душистою порошей.
На старых соснах зеленеет мох,
И в роще птица одиноко свищет.
У озера – развилка двух дорог,
За озером – темнеет городище.
Там, на площадке круглого холма,
Часовня деревянная. У ног
На камне проступают письма:
«Постави Сава поп».
Часами у надгробного креста
Сидит поэт. Река в лугах синееет.
С прохладных пастбищ ветер вешний веет...
Дыханьем тополиного листа.
А древний камень пальцы холодит...

«Поворот крутой. Кафе «Берёзка...»

Поворот крутой. Кафе «Берёзка»
А потом... Стараешься понять,
Где ж переступила ты полосу
Времени, повёрнутого вспять?
Только шаг и мир светлей и проще,
Всё уходит, ты совсем одна.
Над тобой – Михайловские рощи,
Светлая лесная тишина.
Вот они —заветные виденья
Сосен строгих, солнечных берёз.
В шуме их звучат стихотворенья
Те, с которыми ты вместе рос.
Кажется давным – давно знакомым —
Пруд, просветы липовых аллей...
Тыходишь к нянинному дому,
Будто к дому матери своей.
И, приняв забвенья за отраду,
На себя взглянув издалека,
На губах почувствуешь прохладу
Сорванного Пушкиным листка...

«Здесь столько солнца, радости и моря...»

Здесь столько солнца, радости и моря
Как расточительно щедра земля
Не верится, что есть на свете горе,
Не верится, что нет со мной тебя.
Не верится в холодные остуды
Снегов студёных, жалящих ветров.
Здесь утром встанешь, глянешь, а повсюду
Повылупились птенчики цветов.
И время спит, и боли спят бывшие,
Как будто не было ни грусти, ни разлук.
А море тянет руки голубые...
Как не прийти на зов любимых рук?!
И я вбираю солнечную ласку
И воздуха пьянящий светлый мёд.
Но час придёт... Томительно и властно
Меня мой Север снова позовёт.

«Открываются новые дали...»

Открываются новые дали...
Не ведут ли они в тупики?
Мне же нужно, чтоб звонко сверкали
Пусть далёкие, но огоньки.
Жду от жизни немногого, право —
Мне бы с ветром и солнцем идти,
Ширь привольную слева и справа
И немеряный путь впереди.
Да, уставши, у влажной канавки,
Где живёт незабудок семья,
Отдохнуть на приветливой травке
Под затейливый говор ручья.

Путь – желанней достигнутой цели...

Дорогие имена

Игорю Северянину

Тихий час вечернего покоя,
На волне играют тень и свет.
Ласточка метнулась над водою,
По воде черкнув мгновенный след.
Полумесяц лодки повторила
Впавшая в задумчивость река.
А на лодке с удочкой застыла
Тёмная фигура рыбака.
Ищет он в изменчивости зыбкой,
Лёгкой, как дыханье облаков,
Не мелькнёт ли золотая рыбка
Строк, ещё не найденных, и слов.
Струи вод. Изменчивые тени,
Наплывая исчезают в них,
Как неуловимые фосфены,
Разом изменяющие стих.
Чтоб потом торжественно и дивно
Зазвучала музыкой строка.
Летний вечер. Лодка у залива.
Тёмная фигура рыбака.

«Ты ласковым со мною не был...»

Ты ласковым со мною не был,
Суровый город над Невой.
Так редко небо голубое
Ты раскрывал передо мной.
Но в час отчаянья глухого,
Когда, казалось, свет потух,
Ты мне вернул и жизнь и слово,
Неулыбающийся друг.
Так было пасмурно и сыро,
Когда навстречу всем ветрам,
Потерянная, я бродила
По улицам и площадям.
Ты исцелил меня дорогой,
Вдруг раскрываясь предо мной
Своею лёгкою и строгой,
Неповторимой красотой.
Порой от ветра руки стыли...
Но с каждым часом всё ясней,
Всё ближе становились были
Домов, дворцов и площадей.
Судьба меня изрядно била,
Но я стояла и стою.
Ведь капли мужества и силы
Тобою влиты в кровь мою.

Тебя рисуя...

Когда болею я тобой,
Когда тоскую-
Беру бумаги лист большой,
Тебя рисую.
Из темноты,
Из пустоты,
Из ночи тёмной
Полузабытые черты
Зову упорно.
И вот волос ложится прядь
На лоб высокий,
Твои глаза... Они опять
Глядят с упрёком.
А губы – так они крупны
И крепко сжаты.
Рисую две больших волны
И вал девятый.
И вот глядишь ты на меня,
Чуть брови хмуря.
И тихое дыханье дня
Вещает бурю.
Она идёт. Она близка,
Вот бьёт о скалы!
...Нет, не прошла моя тоска.
Острее стала.

Юрию Инге

Иду твоей дорогой фронтовой,
Перебирая давние страницы.
Открылось море, Зашумел прибой,
Взлетели ввысь неведомые птицы.
Но нет, не их ловил твой зоркий взгляд,
Хотя они в душе твоей запели.
Ты видел стаи катеров и яхт,
Бушлаты, бескозырки и шинели.
Твои дороги были не легки
И с каждым годом становились круче.
И волнами навстречу шли стихи,
О берег бились, о сердца, о тучи.
И столько силы и такой в них свет,
Что вот сейчас чуть тронешь их рукою,
И небо вспыхнет заревом ракет,
И бомбы засвистят над головою.
Всё прошлое... А ты сквозь долгий бой
Прищуренными серыми глазами,
Я знаю, видел Родину такой,
Какой она предстала перед нами.
Упругий лад твоих стихов морских
Вошёл в наш день волной прибойной.
Идёт поэт – живой среди живых-
Стремительный, весёлый, беспокойный.

Елене Вечтомовой

Бережно из ваших рук приемлю
Вечер поздний, ветер молодой,
Летний сад, оттаявшую землю,
Очертанья зданий над Невой.
Плеск весла у тёмного причала,
Чей-то звонкий окрик в тишине.
Не минуты – вечность проплывала
На упругой радостной волне.
...В час глухой большого листопада
Времени откроется ладонь:
А на ней – узорная ограда,
А за ней – негаснущий огонь.
И легко мне станет, и тревожно
По дороге памяти идти.
Помните – у мостика прохожий
Пожелал нам доброго пути.

Не продажный мой товар

М. Цветаевой

Всё отдам,
Не меняя, не спрашивая,
Не от щедрости,
Не удерживая.
Просто так.
Чистое. Сорное —
Не таю.
Всё, что собрано-
Отдаю.
Пёструю шаль мою
С тёплых плеч.
Ты не отдаривай —
Мне ль сберечь!
Вот рукой пошарила по углам
Что ещё не дарено? —
Всё отдам.
Не стучи, горячее,
Не пророчь!
Не могу иначе я —
Ночь так ночь.
Этими ли, бреднями ли
Дни легки?
Вот возьми последнее —

И стихи.

Всё уже размыкала,

Видно дно.

Хорошо со всхлипами

Мне одной.

А. Ахматовой

То был не стих и не слова —
Сильней, значительней и проще.
Я в эти строчки так вошла,
Как входят в золотую рощу.
Звенели листья сентября.
Был день – прозрачен и прохладен.
Я всю услышала тебя
В весёло – грустном листопаде.
Вот лист сорвался и упал...
Всё – как всегда – одно и то же.
Но только взгляд мой зорче стал,
Сильней,
Значительней и строже.
И стало так легко дышать,
Идти навстречу бурям снежным.
Устану – припаду опять
К твоим строкам – святым и грешным.

Военный корреспондент

Е. Вечтовой

Хорошо по улицам нарядным
Майским утром не спеша пройти.
...Дерево, сражённое снарядом.
Мёртвые листочки на пути...
Я сегодня, видно, не сумею
Отмахнуть виденья прошлых дней,
И не светлой солнечной аллеей,
Я пройду дорогою твоей.
Где? Когда сплелись тропинки наши?
Этой ли, военною весной?
День сегодняшний и день вчерашний
Вдруг в единстве встали предо мной.
И сквозь город празднично весёлый,
Мирный город жизни трудовой
Вижу тот, суровый, опалённый
Долгой и безжалостной войной.
Жизнь и смерть сошлись в борьбе кровавой.
Но весне всё это нипочём.
Вот в воронке проступили травы,
Снег вчерашний прозвенел ручьём.
А в рядах военного отряда
Девушка – самой весне под стать —
Не разящей пулей автомата —

Словом помогала побеждать.
Словом, освящённым злою болью
От больших и маленьких потерь.
Словом, порождённым той любовью,
От которой ночи – ярче дней.
Шла сквозь бой, сквозь штормы и метели.
Не одна – с бойцами наравне.
Тоненькая девушка в шинели.
Строчка, закалённая в огне.
Шла туда, где били автоматы.
Шла туда, где круче и темней.
Чтоб в газете фронтовой солдаты
Прочитали правду о войне.
...никогда так соловьи не пели
На проспектах среди бела дня....
Девушка в пилотке и шинели,
Что ты ищешь в строчках у меня?!

В. Зрянину

И снова март, колючий ветер снова.
Земля лежит в безрадостном снегу.
Я даже самым осторожным словом
Теперь тебя коснуться не могу.
Ни рук твоих, ни глаз... С былой тревогой,
Когда меня настигнет чёрный час,
Опять пройду военную дорогой,
Той, что свела – и разлучила нас.
Снега, снега, постылые метели.
От рук твоих мне рук не оторвать.
Мне помнится тепло твоей шинели.
Тебя же я не в силах вспоминать.
Сквозь хлопья снега, мокрого, густого
Я углядела твой последний путь.
Тогда тебя я самым сильным словом
Ни на минуту не смогла вернуть.
В разрывах туч, окрашенных закатом,
Победоносный свет весны сквозил
В последний снег.
В последний холод марта
Ты уходил....

Ивангород, Нарва

Крепости

Две крепости. Два каменных созвучья,
Две повести давно прошедших дней.
Река течёт. Плывут куда-то тучи
Над головами старых крепостей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.